

Л. А. Мясникова

Трансформация ценностных ориентиров человека XX–XXI вв.

В статье рассматривается трансформация ценностных ориентиров российского человека в период XX–XXI вв.

Автор исходит из понимания человека М. Шелером как места встречи и пересечения «духа» и «жизни», соединения природного и культурного. «Нюх» понимается в нескольких аспектах: как проявление природного («низшее чувство», обоняние), противопоставляемое духовности; как социокультурный конструкт; как особый смысловой и жизненный ориентир («держать нос по ветру»). Выделение различных смысловых нюансов позволяет обнаружить как оппозицию «духа» и «нюха», так и их соединение.

Трансформация ценностных ориентиров обнаруживается автором через выявление социокультурных этапов российского общества. Показывается замещение духовности эстетизмом (Серебряный век русской культуры), советской идеологией на разных этапах советского общества, ценностями «индивидуализированного общества» потребления. Автор показывает, что россияне, умеющие жертвовать и умирать ради Родины-Матери, живущие исходя из принципов коллективизма, отказа от индивидуальности и т. п., сложными путями стремятся достичь умения хорошо, достойно, жить, умения взаимодействовать с вещами. Цель статьи – подвести читателя к мысли о том, что «дух» и «нюх», духовность и чувственность – проявления жизненности.

В части I речь идет об основаниях и проявлениях ценностных ориентиров россиян в аспекте соотношения чувственности и духовности, о замещении духовности идеологией.

В части II в центре внимания ценностная трансформация при переходе от советского к постсоветскому.

Ключевые слова: ценностные ориентиры, российский человек XX–XXI вв., дух, духовность, идеология, обоняние, нюх, запах, трансформация ценностей, советский человек, советская культура, постсоветские ценности.

L. A. Myasnikova

Transformation of People's Values in 20th–21st Centuries: Smell over Spirit

The article considers the transformation of the Russians' values in 20th–21st centuries.

The author's idea based on M. Scheler's understanding of a man treats a human being as a meeting and crossing point for «spirit» and «life», an integration of the natural and the cultural ones. «The smell» covers several aspects: it is a manifestation of the natural («a primitive sense of smell») opposite to spirituality; it is also a sociocultural construct, a specific guide to the meaning of life («trim the sails to the wind»). Distinguishing different nuances of the meaning enables identifying both «the spirit» – «the smell» opposition and their unity.

The transformation of values is revealed through identifying the sociocultural stages of Russian society. The article shows the replacement of spirituality by aesthetism (the Silver Age of Russian Culture), Soviet ideology of different periods, pragmatic values of the «individualized consumer society». The author demonstrates that the Russians who can sacrifice and even die for their Motherland, who live following the collectivism principles, rejecting their individual needs endeavour to reach a good descent life, the skill to cope with the things in a complex way. Thus, the article is aimed at leading the readers to the idea that both «the smell» and «the spirit», the spirituality and the sensuality are manifestations of livingness.

The first part of the research paper determines the foundations and the expressions of the Russians' values in terms of relation between the spirituality and the sensuality, the substitution of the spirituality with the ideology.

The second part concentrates on value transformation in the transition period from Soviet to post-Soviet.

Keywords: values, the Russians in 20th–21st centuries, spirit, spirituality, ideology, the sense of smell, smell, value transformation, Soviet people, Soviet culture, post-Soviet values.

На смену величию человеческого духа
приходит величие человеческого нюха.

Лихтенберг

Там русский дух,
Там Русью пахнет.

А. С. Пушкин

Человек – существо живое и вместе с тем выходящее за границы жизни. Представители философской антропологии (в частности, М. Шелер) определяют его как место встречи,

точку пересечения духа и жизни. Причем с точки зрения жизни человек мыслится как недостаточное существо, как «нормализованный недоносок обезьяны», «дизертир жизни», декадент жизни» и т. п. Но, благодаря симбиозу жизни и духа, человек становится жизнеспособным, мирооткрытым, трансцендирующим существом, единственным, кто занимает позицию «над» («над миром» и «над собой»), он осознает и себя и мир как целое. Более того, человек способен надстроить

над миром природы мир ценностей и тем самым создать собственный мир – мир культуры, то есть одухотворить природу. Нюх же – символ жизненного, животного начала. Это одна из самых простых, первых чувственных способностей животных, пришедшая на смену недифференцированной хеморецепции. Не случайно у большинства животных, как и у человека, нос выдвигается вперед. Запахи играют колоссальную роль в мире живого, являются одним из главных ориентиров.

У человека же принято обоняние относить к «низшим» чувствам [8], Кант называл его «самым неблагоприятным» [9], хотя в последние годы многие психологи и физиологи активно утверждают огромную роль обоняния и у человека, но на бессознательном уровне (например, в выборе сексуального партнера).

Появились и работы культурологического плана, в которых ароматы и запахи представлены в контексте эпохи.

О. Вайнштейн справедливо отмечает: «Знаковый эффект аромата – самый мощный и одновременно самый хрупкий компонент, составляющий (и в буквальном, и в переносном смысле) атмосферу эпохи» [4, с. 5]. Таким образом, обоняние уже понимается как связь, синтез природного и культурного. К. Классен, Д. Хоувз, Э. Синнотт замечают, что «запах – не просто биологическое и психологическое явление. Запах – феномен культурный, а значит, социально-исторический». Также они отмечают, что обоняние вытесняется на периферию современной культуры (в отличие от зрения) и настаивают на необходимости анализа обоняния и т. п. [10, с. 45–46]. По их мнению, запах выражает скрытую сущность предмета.

Значительную роль в исследовании запахов сыграли этнографические (культурно-антропологические исследования), в которых выявлены различия в оценке запахов (приятные/неприятные). Поскольку запахи напрямую связаны с эмоциями, возникают как концепции, так и практики, технологии, которые ставят задачу регулирования, конструирования человеческих отношений и действий посредством запахов (например, ароматерапия и т. п.).

То есть в настоящее время существует спектр теорий обоняния, в которых масштаб оценок колеблется от признания его низшим, неразвитым животным чувством или подавленным культурой, обозначающим природное начало в челове-

ке, до признания обоняния социокультурным конструктом.

Обоняние, запахи, с одной стороны, сложно вербализовать, с другой же – слова, характеризующие запахи и обоняние, в разных языках имеют сходные смыслы.

Признание того факта, что запахи и обоняние сложно выразить словами вовсе не противоречит анализу смыслов слов, выражающих запахи, обоняние. И здесь вскрываются новые аспекты. В. Гулимова, ссылаясь на М. Саммерса, отмечает: «В английском слово “sweet”, означающее “душистый, благоуханный”, может переводиться также как “любимый, милый, дорогой” и иметь множество других значений. “Scent” означает “запах, аромат, духи”, и, вместе с тем “нюх”, чутье”, как в прямом, так и в переносном смысле (предчувствие, интуиция). “Odour” – “запах, привкус”, и он же – “репутация, слава” (to be in good odour – “быть в милости, в фаворе у кого-либо”). Примерно та же картина с немецким словом “Geruch”, производное от которого “Gerücht” означает “слухи, молва, толки” (“Gerüchtmacher” – “распространитель слухов, попросту говоря, сплетник”). В итальянском языке есть глагол “sapere” со значением “пахнуть”, точнее “иметь запах (вкус) чего-либо, отдавать чем-либо” (in vinosa di fragola – “вино отдает земляникой”). При этом первое словарное значение глагола “sapere” – “знать”» [7, с. 130–131]. «Аура» означает «ветерок», и «духовную энергию» и «запах». В русском языке «нюх» значит и ‘обоняние’, и ‘умение ориентироваться в ситуациях’ («разнюхивать», «разузнавать», «держат нос по ветру», «пахнет жареным», «пахнет керосином» и т. п.). Синонимом слова «запах» является «дух» («тяжелый дух», «русский дух» и т. п.). Разнообразные смысловые нюансы вновь и вновь заставляют вспомнить, что человек – точка пересечения природного и культурного, материального и духовного. И именно через этот аспект обратиться к анализу изменения ценностных ориентиров русского человека (точнее, россиянина).

В знаменитом «Здесь русский дух, / Здесь Русью пахнет» фактически дух и нюх (запах) являются синонимами. Этот аспект, несомненно, в русской культуре и ментальности представлен через связь духовного и природного. Г. Гачев, говоря о среднерусской возвышенности, отмечал переход горизонтали в вертикаль: «...здесь – вперемешку земля и небо низкое, серенькое, как и сырзем, нависло; а зимой вообще в метели

земля-небо сходятся» [5, с. 296]. Даль, горизонт, серое небушко, морозящий дождичек и на горизонте небо с землею сходятся. Как тут не перепутать, где земля, где небо, где телесно-природное, а где духовное? Духовное как растворенное в природе – своеобразный пантеизм наличествует и у Л. Н. Толстого. В какой-то мере подобное понимание духовности связано с хтоническим культом праматери. Тот же Г. Гачев справедливо писал, что в русском пантеоне не так уж много языческих богинь (особенно среди высших божеств), но очень силен амбивалентный культ Матери-сырой земли. Он, соединяя «мать» и «тьма», вводит понятие «матьма». Матьма своеобразный вариант Левиафана, Родина-мать, мать сыра земля детей рождает, вскармливает их, но она же их в жертву приносит, точнее, постоянно жертвы требует. В этом аспекте духовное и телесное, скорее, противопоставляются. Телесное связывается не с природой как местом пребывания человека, ландшафтом, в котором он обитает, а с телом именно человека. А человеческое тело понимается как «тло», как «тленное», неподлинное, временное, низкое, преодолеваемое. В этом контексте в русской ментальности дух выходит на первый план. Н. Бердяев писал о том, что, имея здоровый организм, он брезгливо относился ко всему физиологическому, не любил тело как проявление жизни, «смысл любил больше жизни», «дух любил больше мира» [2, с. 27].

Амбивалентное отношение к телесному обнаруживается и в православии: с одной стороны, – тяжеловесный православный обряд (длительный, нужно весь ритуал на ногах выстоять, сесть нельзя и негде), тяжелые ризы священнослужителей, тяжелые оклады икон и т. п., с другой стороны, фигуры святых на иконах вытянуты вверх, почти бестелесны. И в быту, что в крестьянских избах, что в усадьбах и во многих домах горожан «дух» был далеко не самый приятный. Я. Рейтенфельс описывает дома россиян в 1670 г. так: «Многие дома, даже среди города, не имея дымовых труб, выпускают дым через крайне узкие окна и не заключают в своих стенах ничего другого, кроме печи, стола со скамьями и небольшой иконы какого-нибудь святого. Бояре живут очень тесно и в деревянных тоже по большей части домах, а рабы укрываются в маленьких, расположенных на том же дворе вокруг дома их господина доминах, какие в других странах были бы сочтены за свиные хлевы» [13, с. 7–8]. В XIX в. Маркиз де Кюстин свидетель-

ствует: «Избы – груды бревен с деревянной крышей, крытой иногда соломой. В этих лачугах, вероятно, тепло, но вид у них прегрустный. Напоминают они лагерные бараки, с той лишь разницей, что последние внутри чище. Крестьянские же клетушки грязны, смрадны и затхлы. Летом спят на лавках, идущих вдоль стен горницы, зимой – на печи, или на полу вокруг печи» [12, с. 1].

«Русский дух» – явно тяжелый и на нюх неприятный. И хотя в XIX в. появляется в домах новый тип крыш и с потолком, что позволяло обеспечить печное отопление «по белому», мода на украшение домов и т. п., огромное количество жилищ простолудинов вызывало удручающее впечатление, не лучше были и бараки, где жили пролетарии, и доходные дома. Русское понимание духовности, как уже упоминалось, не только в каких-то аспектах совпадает с «духом-нюхом», но главным образом противостоит ему. Духовное, в данном случае, – противоположность материального, природного, телесно-физиологического, вещного. Духовность, открытая христианством как отклик на весть об ином, не явленном непосредственно, как услышанная и воспринятая весть (благая), то есть со-весть, в конечном итоге начинает пониматься как свойство самого индивида, как собственная духовность – совесть.

Совесть – умение воспринимать иное как свое, умение не о себе думать, а в первую очередь о других, жить не ради себя, а, в конечном итоге, – ради Бога. У Л. Н. Толстого в «Анне Карениной» простой русский мужик открывает эту истину К. Левину: «Люди разные, один человек только для нужды своей живет, только брюхо набивает, Фоканыч – праведный старик, он для других живет», надо «не для нужд своих жить, а для Бога» [14, с. 392–393]. Однако нередко духовность, понятая таким образом, предполагает жертву. Умение принести себя в жертву ради Бога в русской культуре соединяется с жертвенностью ради Родины, земли родной. Русские умеют жертвовать собой, умирать ради других, ради родины, ради идеи, ради Бога... Парадоксальным образом христианская духовность соединилась с языческой верой в духов. Этнические божества (Матьма) добро и зло в себе соединяют, дух добрый и дух злой. И в русской душе это присутствует: «не согрешишь, не покаешься, не покаешься – в рай не попадешь». Мятник странной русской души колеблется от одной крайности к другой. Крайность – наша черта.

Русские края не боятся. «Крайность» предполагает многообразие смыслов. 1. «Край родной», «родная сторона» может трактоваться как «и со всем не в мире мы, а где-то на задворках мира, среди теней» (Л. Гумилев) или «среди немислимых побед цивилизации мы одиноки как карась в канализации» (И. Губерман). То есть центром выступает Европа, а Россия – ее краем, стороной. Правда, этот краешек цивилизации – Россия – столь велик, что всю Европу вместит и еще место останется. У нас – основание с краю («краеугольный камень»). 2. «Моя хата с краю», то есть не быть ответственным за что-либо, не ввязываться в какие-то дела. 3. «Есть упоение в бою, у бездны мрачной на краю» – готовность к риску, экстриму, героизму. Край не как точка падения, а как точка взлета. Точнее, взлет и падение уже не различаются, и то и другое – полет. Именно с этим аспектом совпадает духовность как жертвенность.

Симбиоз христианской духовности с языческим культом Матери формирует своеобразный инфантилизм народа, зависимость (инцестуально-симбиотическую связь, в терминологии Э. Фромма) и особое отношение к власти. В основе власти предполагается родство, отсюда – безусловность власти, безусловность подчинения и, опять же, готовность к жертвенности. Родина-мать может предстать и Софией (мировой душой), которая трансформируется в миссию русского народа (Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать; Россия – мост между Востоком и Западом; Россия призвана объединить народы идеей богочеловечества, мирового интернационала, коммунизма и т. п.). Но может – и «Софьей Власьевной» – советской властью, которая обещает светлое будущее, но требует полного подчинения от своих «детей», а также способна предстать грязной, пьяной, жестокой, но все равно матерью, от которой не отказываются, за которую умереть готовы. Гарантами русской духовности становятся церковь, община, артель, народ, родина, держава...

Духовность может эстетизироваться (что свойственно Серебряному веку в русской культуре). Духовность вырождается в эстетство, в символизм, в мистику, эзотерику, в «чистое искусство», наконец, в знание ради знания, в философию. Носителем ее объявляют себя представители духовной элиты, стремящиеся выйти в некую сверхреальность, первореальность, которая не совпадает с повседневной жизнью, возвышается над ней. Случайно ли, нет ли, но эстетству-

ющие русские интеллигенты и собирались в «башне» Вс. Иванова. Они от дурного запаха быта стремились уйти, уберечься. Правда, избежать жизненных трагедий им не удалось. В них особым образом соединился и тип И. Обломова, вне жизни живущего, и тип Манилова, золотые мечты лелеющего, и тип творческого богборца...

Другая тенденция развития русской духовности привела к коммунистической идеологии. Носителем этой духовности должен был стать «новый человек», которого следовало еще создать, «переплавив» в горниле революции и коммунистической идеологии имеющийся материал – российских трудящихся, прежде всего – пролетариев и крестьян, а также какой-то слой интеллигенции. Предполагалось тотальное отрицание «старого мира», религии, культуры, быта, ценностей. Кто был «ничем», должен был стать «всем». Отрицались не только высокая культура и религиозная культура, но и культура крестьянства, культура мещанства (с особой ненавистью). Строилась новая советская культура. На Западе существовала бюргерская культура как синоним городской культуры, на базе которой формировалась и культура рабочего класса. В России культура пролетариата жестко противопоставлялась культуре среднего класса горожан – культуре мещан. Борьба с мещанством была тождественна борьбе с пошлостью. Маленькому, домашнему, чистому ухоженному миру с геранью, кружевными занавесками на окнах, с кружевной скатертью, салфетками, мягким диваном, запахом пирогов, ванили, вазочкой с вареньем противопоставлялся коммунальный мир, с ценностями труда, борьбы, стройки, обновления, материальной аскезы. Основной особенностью новой духовности являлась ее беспрецедентная идеологизация. Духовность соединялась с идеологией, подменялась идеологией. Основами этого духовно-идеологического процесса стали мечта об обществе без эксплуатации человека человеком, представление об освободительной роли пролетариата, приоритет коллективного над индивидуальным, труд на благо общества как первая потребность и база всестороннего развития личности, научно-технический прогресс, индустриализация стран, покорение природы, такие ценностные ориентиры, как равенство, всеобщность, коллективность, соответствовали русской ментальности, в частности, идеалу соборности.

Первоначально четко провозглашенных ценностных ориентиров еще не было. Скорее, революционное движение было движением энтузи-

азма на фоне войны, разрухи, голода, разгула аморализма после отказа от монархизма, православия как прежних основ жизни. Идеология еще пока являлась «бессознательным фантазмом» (С. Жижек), мечтой о новой жизни, поиском новых идеалов. Она, скорее, носила негативный характер – отрицала прошлое.

К. Гирц справедливо отмечал: «Идеологии возникают и выходят на авансцену там, где существует культурный провал» [6, с. 33]. Она еще представляет собой иллюзорное (но не ложное!) сознание, облачается в одежды мифа. Ищет язык для своего выражения, используя искусство, которое делает идеологию «зримой». Этот язык должен быть простым и понятным – лозунгом, плакатом. Соединяется она и с верой, так как «без веры, дающей легитимность утопии, само поле идеологии, создающее виртуальные контуры народного государства справедливости, теряло свою силу» [1, с. 70]. Затем она прибегнет к помощи науки, будет вещать, якобы от имени объективных законов природы. Обретя голос, выразившись в нормативном дискурсе догматов, идеология начинает регулировать поведение людей, внедряясь в повседневность. Идеология легитимизирует власть, говорит от ее имени, защищает интересы власти. Но особенность советской власти состоит в том, что она говорит якобы от имени народа. Принцип «народ и партия едины» предполагает, что народ должен идентифицировать себя и свои интересы с интересами властной партии. Через такую идентификацию отдельный индивид как бы соединяется со всеобщим (то есть не только с нынешним обществом, а с общечеловеческим, родовым, так как именно рабочие мыслятся как носители и осуществители прогресса человечества). Те, кто не согласен с установками власти, с идеологией, – не народ, а «враги народа» или, по крайней мере, заблуждающиеся. Идеология через разного типа и вида проекты все более внедряется в жизнь, становится воплощенной. Таких проектов было множество: и «культурная революция», призванная воспитать нового советского человека; и богдановская тектология с верой в единство, целостность, подчиняющую себе индивидов, но вместе с тем обогащающую каждый элементик свойствами всей системы, и его же идея кровного родства, благодаря переливанию крови и т. п.; и формы коммунального быта общежития, внедряемые в повседневную жизнь; и в архитектуру городов, в кино и театры, и в строительство парков и т. д.

Личность человека понимается в соответствии с подходом К. Маркса как совокупность общественных отношений, и прежде всего – в системе производства. Ибо именно трудовые коллективы объявляются ответственными за своих членов (так называемый территориально-производственный принцип).

То есть вместо «всесторонне развитой личности», «чувственно-богатой индивидуальности» речь идет о социальных функциях индивидов. На этой базе становился «советский человек», советская культура как разновидность массовой культуры.

Синонимом массовой культуры на Западе является китч. В советской культуре китч, скорее, понимается как синоним мещанства. Но фактически следует согласиться с С. Бойм, утверждающей, что «китч, это детская сказка для взрослых, изданная массовым тиражом, ... райское видение, где ... нет места дерьму. Это современный рай массового производства, рай со всеми удобствами и без ада» [3, с. 30]. Она подчеркивает: «Формула китча – массовая культура плюс власть» [3, с. 30]. Это смешение сказки и жизни, искусства и жизни (мы рождены, чтоб сказку сделать былью), необходимое власти. Только на место салфеток и герани или фикуса ставятся массовые парады, шествия, представления, демонстрирующие энтузиазм и готовность к воплощению идеалов коммунизма в жизнь.

Массовая советская культура соответствовала устремлениям формируемого «нового» советского человека. Огромная масса человеческого материала для идеологической переделки рекрутировалась из безграмотных, полуграмотных крестьян, ринувшихся в города и на стройки пятилеток.

«Культурная революция служила ликвидации безграмотности и воспитанию не столько культуры, сколько культурности (грамоте, этикету, гигиене и, разумеется, идеологической правильности), то есть культурная революция служила задаче уничтожения «дурного нюха», переделке его в «советский дух». В «переплавку» для создания нового советского человека отправлялся «сырой материал» – не только выходцы из крестьян, но и мещане, и интеллигенты, и пролетарии.

Казалось бы, рабочие объявлялись передовым прогрессивным классом, должны были стать образцом для других. Но реальные пролетарии были иными. Во-первых, индустриализация в России не была завершена, уровень развития рабо-

чих отставал от западного. Многие квалифицированные рабочие стали жертвами развала производства, войны и революций. Уровень грамотности среди пролетариев был крайне низким. Итак, еще не успевший сформироваться, но уже полуразрушенный войной и революцией рабочий класс, отрывающиеся от земли и крестьянской культуры и быта молодые люди, надеющиеся на лучшую жизнь в городе, бывшие разночинцы и мещане, быт которых всячески порицали, остатки интеллигенции, которых временно терпели как «спецов» – все оказывались в состоянии маргиналов. Из них нужно было сделать Нового Человека. Возникает вопрос: можно ли этот материал считать «чистым листом», на котором можно написать любые письма? Обработать и сделать основным субъектом истории надо было «человека повседневности», то есть человека «себе на уме». Т. А. Круглова совершенно верно заметила, что «повседневность – это среда, которая всегда противостоит идеологии» [11, с. 80]. Культурная революция стремилась срастить идеологию и повседневность. Ее цель – «снятие разрыва между идеологией и повседневностью, достижение такого способа человеческого существования, когда полная отдача себя советскому государству станет естественной жизненной потребностью» [11, с. 81].

Молодое поколение воспринимало идеологию как способ осмысления своих идеалов и перспектив. Оно хотело жить иначе, жить лучше, чем отцы и деды. Система образования перестраивалась на основах марксистско-ленинской идеологии и к 30-м гг. XX в. дала свои первые плоды. Советские ценности утвердились в умах молодых людей. «Дух» и «духовность» выбрасывались из лексикона советского человека. Они замещались на коммунистическую идеологию и верность идеалам партии (то есть идеалам коммунизма).

Итак, культурная революция боролась с «нюхом» как с «дурным запахом» (через внедрение норм гигиены); а также пыталась внедрить заместитель духовности – советскую идеологию. Она же вольно или невольно была стимулом и основой для формирования «нюха» как жизненного ориентира, прежде всего – карьерного, как стремление «выбиться в люди» с помощью образования партийного функционирования, ударного труда.

Библиографический список

1. Берг, М. Литературократия: проблема присвоения и перераспределения власти в литературе [Текст] / М. Берг. – М. : НЛО, 2000. – 342 с.
2. Бердяев, Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991.
3. Бойм, С. Общие места. Мифология повседневной жизни [Текст] / С. Бойм. – М. : НЛО, 2002. – 320 с.
4. Вайнштейн, О. Грамматика ароматов [Текст] / О. Вайнштейн // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 / сост. О. Б. Вайнштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 608 с. – С. 5–12.
5. Гачев, Г. Космо-Психо-Логос [Текст] / Г. Гачев. – М. : Академический проект, 2007. – 512 с.
6. Гирц, К. Идеология как культурная система [Текст] / К. Гирц // НЛО. – 1998. – № 29. – С. 33.
7. Гулимова, В. «Пять носов» человека и 2500-летняя история их изучения [Текст] / В. Гулимова // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 / сост. О. Б. Вайнштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 608 с. – С. 120–167.
8. Зиммель, Г. Из «Эккурса о социологии чувств» [Текст] / Г. Зиммель // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 / сост. О. Б. Вайнштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 608 с. – С. 17–34.
9. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения [Текст] / И. Кант. – СПб. : Наука, 1999. – 471 с.
10. Классен, К., Хоувз, Д., Синнотт, Э. Значение и власть запаха [Текст] / К. Классен, Д. Хоувз, Э. Синнотт // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 / сост. О. Б. Вайнштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 608 с. – С. 41–49.
11. Круглова, Т. А. Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма [Текст] / Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2005. – 384 с.
12. Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия, 1839 г. (между Петербургом и Москвой) [Текст] / цит. по: Ю. Крутеева, Е. Ройзман Домик в Кунаре. Цветы и голуби кузнеца Кириллова. – Екатеринбург : Tatlin, 2014. – 176 с.
13. Рейтенфельс Я. Сказания. 1670 г. [Текст] / цит. по: Ю. Крутеева, Е. Ройзман Домик в Кунаре. Цветы и голуби кузнеца Кириллова. – Екатеринбург : Tatlin, 2014. – 176 с.
14. Толстой, Л. Н. Анна Каренина [Текст] / Л. Н. Толстой / собр. соч. в 22 томах. – Т. 9. – М. : Художественная литература, 1982. – 449 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Berg, M. Literaturokratija: problema prisvoenija i pereraspredelenija vlasti v literature [Tekst] / M. Berg. – M. : NLO, 2000. – 342 s.
2. Berdjaev, N. A. Samopoznanie. Opyt filosofskoj avtobiografii [Tekst] / N. A. Berdjaev. – M. : Kniga, 1991.

3. Bojm, S. Obshhie mesta. Mifologija povsednevnoj zhizni [Tekst] / S. Bojm. – M. : NLO, 2002. – 320 s.
4. Vajnshtejn, O. Grammatika aromatov [Tekst] / O. Vajnshejn // Aromaty i zapahi v kul'ture. Kniga 1 / sost. O. B. Vajnshtejn. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. – 608 s. – S. 5–12.
5. Gachev, G. Kosmo-Psiho-Logos [Tekst] / G. Gachev. – M. : Akademicheskij proekt, 2007. – 512 s.
6. Girc, K. Ideologija kak kul'turnaja sistema [Tekst] / K. Girc // NLO. – 1998. – № 29. – S. 33.
7. Gulimova, V. «Pjat' nosov» cheloveka i 2500-letnjaja istorija ih izuchenija [Tekst] / V. Gulimova // Aromaty i zapahi v kul'ture. Kniga 1 / sost. O. B. Vajnshtejn. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. – 608 s. – S. 120–167.
8. Zimmel', G. Iz «Jekskursa o sociologii chuvstv» [Tekst] / G. Zimmel' // Aromaty i zapahi v kul'ture. Kniga 1 / sost. O. B. Vajnshtejn. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. – 608 s. – S. 17–34.
9. Kant, I. Antropologija s pragmaticheskoj tochki zrenija [Tekst] / I. Kant. – SPb. : Nauka, 1999. – 471 s.
10. Klassen, K., Houvz, D., Sinnott, Je. Znachenie i vlast' zapaha [Tekst] / K. Klassen, D. Houvz, Je. Sinnott // Aromaty i zapahi v kul'ture. Kniga 1 / sost. O. B. Vajnshtejn. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. – 608 s. – S. 41–49.
11. Kruglova, T. A. Sovetskaja hudozhestvennost', ili Neskromnoe obajanie sočrealizma [Tekst] / T. A. Kruglova. – Ekaterinburg : Gumanitarnyj universitet, 2005. – 384 s.
12. Markiz de Kjustin. Nikolaevskaja Rossija, 1839 g. (mezhdju Peterburgom i Moskvovj) [Tekst] / cit. po: Ju. Kruteeva, E. Rojzman Domik v Kunare. Cvety i golubi kuzneca Kirillova. – Ekaterinburg : Tatlin, 2014. – 176 s.
13. Rejtenfel's Ja. Skazaniya. 1670 g. [Tekst] / cit. po: Ju. Kruteeva, E. Rojzman Domik v Kunare. Cvety i golubi kuzneca Kirillova. – Ekaterinburg : Tatlin, 2014. – 176 s.
14. Tolstoj, L. N. Anna Karenina [Tekst] / L. N. Tolstoj / sobr. soč. v 22 tomah. – T. 9. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1982. – 449 s.